

Я ТЕБЯ ЛОВЛЮ

Звонок не работал, тяжелая металлическая дверь вглядывалась в меня своим единственным глазом, в подъезде душно пахло свежевывытым бетоном. Я постучала еще несколько раз, смутно надеясь, что в тишину лестничной клетки все-таки прорвется скрип заржавелых дверных петель. Но было тихо, только где-то наверху слабо позвякивало ведро с водой.

Я вышла из подъезда в мелкий сентябрьский дождь, скормила ларьку сторублевую бумажку и, получив взамен ребристую бутылку из зеленого стекла, принялась рассматривать витрину. Удивительно, как среди вездесущих супермаркетов, торговых центров, обшитых кислотными металлокассетами, однотипных новостроек еще выживают крошечные островки родом из девяностых: пузатые синие ларьки с выгоревшими этикетками за пыльным стеклом. Детьми мы бегали сюда за «Холодком». Его вкус, отдающий мылом и фруктами, будто и сейчас стоит у меня во рту.

За ларьком торчал знакомый забор детского сада, и я двинулась к воротам. Как будто решила, что, не застав Гошу дома, смогу найти его на одной из площадок с лесенками и полупустыми песочницами – все такого же худосочного, кудрявого, протягивающего мне конфету без обертки, зато в кошачьих волосах и катышках от кармана.

Человеческая память часто изменчива и потому – ненадежна, но я помню тот далекий зимний день лучше, чем день вчерашний. Помню, как кололись и бесконечно сползали ненавистные голубые колготки, как тошнотворно и немного сладко пахло какао с молочной пенкой, как Гоша жмурился и пил мою порцию этой обязательной детсадовской дряни, лишь бы избавиться от нравучений воспитательницы. Помню пестрое, скользкое платье тихой нянечки, тоскливый запах утренней каши с желтым кругляшом масла, мягкие белые простыни в тихий час, от которых веяло хлоркой и почему-то батареей.

Мы с Гошей были в одной группе: у него на шкафчике – наклейка с яблоком, у меня – с малиной, а на тихом часе наши кровати стояли рядом, и целых два часа в день я могла локтем чувствовать его локоть. Мне это было приятно. Сад казался тюрьмой с распорядком, утомительными походами на улицу ровным строем (это только так говорится «на улицу», а на самом деле – на крошечный прямоугольник площадки), назидательным тоном воспитателей и прочими тяготами детсадовского режима. Единственное, что примиряло со всем этим, – дружба.

В тот зимний день Гоша запланировал побег. Нарисовал на тетрадном листе детальный план вонючими цветными фломастерами, тайком при-

ташил из дома пачку печенья. После прогулки (а на самом деле – бессмысленного ковыряния в сугробах) мы с Гошей послушно встали в строй, соединив варежки с налипшими комьями снега, но в группу не попали. Спрятались за желтого металлического жирафа.

Гоша, шурша болоньевыми штанами, пыхтел и лез через ограду. Оказавшись по ту сторону детсадовской жизни, он крикнул: «Давай, я тебя ловлю». Но я смотрела на Гошу и не могла понять, кто из нас взаперти.

В саду мы часто глазели на прохожих (особенно на детей, которым почему-то можно было разгуливать со своими взрослыми на воле в будний день) и завидовали. И я тоже, конечно, провожала взглядом каждого идущего мимо в полной уверенности, что обычная жизнь идет за забором только вечером, когда мама забирает меня домой. А днем, казалось мне, во внешнем мире должно происходить нечто особенное, таинственное. Но теперь в этом внешнем мире стоял Гоша и подпрыгивал на месте то ли от холода, то ли от нетерпения и страха быть обнаруженным.

Пошел снег – такой, словно прорвало облачный кран, – крупный, частый, мягкий. И я никак не могла понять, как он движется: сверху вниз или наоборот. Перелезть через забор, чтобы снова оказаться за ним же, казалось глупым, и я просто застыла, уподобилась сугробу, пока не послышались крик воспитательницы и нянечкины причитания.

Гоша дулся на меня весь день. Я даже предложила ему свою булочку с маком, выданную на полдник (пожалуй, единственное, что я могла съесть в саду с аппетитом), но он отказался. Мы помирились через несколько дней, но тот случай с побегом так и остался в памяти обоих тревожным пятном.

Даже если ты девушка, опрометчиво стоять с бутылкой, торчащей из черного пакета, перед воротами детского сада и высматривать там свое прошлое, так что я снова пошла в сторону Гошиного дома. Где ты сейчас, за каким забором?

У подъезда голуби лениво ворошили клювом склизкие комья пшенной каши, любезно выброшенной из окна какой-нибудь старушкой. Повсюду темнели лужи. Слабо пахло сыростью и помойкой.

На детской площадке несколько мальчишек возились с велосипедом. Велосипед был старый, с россыпью облезлых наклеек и засохшей грязи. Я стала смотреть на ребят, но видела все равно другое: холодное сибирское лето, дачный по-

селок, разделенный надвое железной дорогой, соседние с Гошей участки и дырку в дощатом заборе, через которую мы бегали друг к другу в гости.

Нам было по четырнадцать, а в этом возрасте уже нельзя задружить с кем-то просто так – должны быть некие связующие обстоятельства. Например, велосипед. В наше садоводство почему-то не приезжали девочки моего возраста, но долгое время меня это совершенно не волновало: у меня был Гоша, мы строили шалаши, лишались бровей и ресниц над кострами, тайком бегали купаться на мутный котлован. Но потом Гоше подарили бэушный велосипед, и он стал дружить с местными мальчишками. Они целыми днями гоняли дорожную пыль и плющили пластиковые бутылки, просовывая их к колесам в попытках выдать свои драндулеты за мопеды. Я отчаянно хотела в компанию, но меня не принимали: велосипеда не было. До дня рождения было далеко, а мне нечем было шантажировать бабушку: обыкновенное «давай ты мне купишь велик, а я буду учиться на одни пятерки и каждый вечер мыть посуду» не работало. Я и без того была отличницей, а мягкий напор теплой воды, шапка пены на пористой губке и тихий скрип чистых тарелок всегда успокаивали меня.

Я злилась на всех мальчишек мира, велосипеды, посуду, пятерки. Я почти начала злиться на Гошу, но однажды утром обнаружила у крыльца нечто велосипедообразное. Ржавая рама, кривой руль и два разных колеса: одно большое и тонкое, как у шоссейника, а другое маленькое, со спущенной ребристой шиной. Оказалось, Гоша нашел на помойке три сломанных велосипеда, разобрал их на части и слепил нечто, напоминающее дряхлый мотоциклетный скелет. Но главное – этот скелет работал. Сейчас пальцы на моих ногах сплошь покрыты тонкими белесыми шрамами: тормозить на моем первом велосипеде приходилось ногами.

Радость была недолгой. Оказалось, что мальчишки не принимали меня вовсе не потому, что у меня не было велосипеда. Я девчонка, и, хотя моя коллекция наклеек с полуголыми женщинами из рублевых жвачек всегда была богаче и разнообразнее всех, никто не хотел видеть меня в мужской компании. Кроме Гоши, но он только грустно и виновато смотрел на меня (написала бы – «сдвинув брови», но, во-первых, это штамп, а во-вторых, никаких бровей у Гоши не было, потому что я очень любила пулять в костер жидкостью для розжига).

Я орала, Гоша стряхивал с меня крупных муравьев с красными тельцами, а потом поливал меня водой из бутылки. Ехать на велике я не могла, и нам пришлось идти обратно в поселок пешком. Мы вернулись под утро, бабушка еще спала, и я тихонько положила деньги обратно в ее кошелек и легла в кровать. Холод простыней успокаивал, и мой зад потихоньку остывал.

А потом он предложил мне сбежать. Я спросила, почему именно сейчас, а он ответил, что раньше предложить не мог, ведь на его велосипеде нет багажника, чтобы посадить меня, а теперь мы оба на колесах и багажник не нужен. Но я видела, что дело не в багажнике, а в новом синяке на правой скуле и недавно возникших кроссовках Гошиного отца на крыльце их домика.

Я не хотела бежать, потому что мы не в тепличном «Простоквашино», и жизнь после побега без усатых котов и работников почты виделась мне весьма туманной. К тому же я жалела бабушку, наше мирное сосуществование, ее тонкие ноздреватые блины по утрам. Но Гоша так смотрел на меня и его скула так переливалась на солнце, будто разлитый в луже бензин, что отказать я не могла.

Приготовления заняли только вечер: мы сделали бутерброды и набрали в рюкзак кислых вяжущих яблок с чахлого дерева дяди Славы, нашего соседа, который всегда что-то отмечал и брезговал этими яблоками даже закусывать. Ночи

в августе холодные, но, когда я доставала из бабушкиной сумки кошелек и выуживала из него несколько мятых пятидесятирублевых бумажек, моя футболка противно и липко потемнела на спине и под мышками.

Потом мы медленно ехали вдоль железных путей и молчали. Редкие фонари горели, но их света не доставало, чтобы видеть дорогу, и мы двигались на ощупь. Скоро в животе потянуло от голода, и мы остановились у обочины перекусить. Темный холмик, на котором я устроилась с бутербродом, оказался мягким и теплым. Гоша долго тыкался губами в яблоко, но не кусал, и это меня раздражало. Я слабо помню, что он говорил в ту ночь – что-то о светлом будущем, где мы не будем зависеть от взрослых, о возможности жить как хочется, говорить как думается. Я слабо помню его путаную речь, потому что холм, на который я приземлилась, оказался муравейником. Мой зад загорелся сильнее, чем горло от красного «Доширака».

Я орала, Гоша стряхивал с меня крупных муравьев с красными тельцами, а потом поливал меня водой из бутылки. Ехать на велике я не могла, и нам пришлось идти обратно в поселок пешком. Мы вернулись под утро, бабушка еще спала, и я тихонько положила деньги обратно в ее кошелек и легла в кровать. Холод простыней успокаивал, и мой зад потихоньку остывал.

Остаток дачного лета Гоша провел в компании мальчишек.

Из подъезда вылетела черная такса, за ней тянулся поводок, на конце которого лениво плелся немолодой мужик в домашних тапочках. Я придержала дверь и нырнула внутрь, надеясь застать кого-нибудь из Гошиных соседей.

И застала – того самого дядю Славу, чьи яблоки мы воровали исключительно любопытства ради. Дядя Слава не узнал меня, но пригласил поужинать вместе: на липком столе с блестящими кругляшами от стаканов стояла сковорода с жареной картошкой, хлеб и бутылка «Петровича». Яблок не было, и почему-то именно это (а не грязь, нищета, тягучая безысходность и одиночество обстановки) расстроило меня больше всего. Я вежливо поинтересовалась, срубил ли он ту старую яблоню, и дядя Слава узнал меня и ответил, что да, срубил к чертям и вообще засадил весь участок картошкой, потому что в картошке – сила и жизнь, а от яблок у него понос.

Я села на край расшатанной табуретки и почувствовала, что джинсы прилипли к сиденью.

Взяла вилку и, украдкой протерев ее обратной стороной футболки, принялась делать вид, что тоже принимаю участие в трапезе. Потом я спросила про Гошу, и дядя Слава налил мне «Петровича» в стакан, из которого недавно, кажется, пили кофе (или разводили отраву для колорадского жука, потому что цвет, в общем-то, тот же). Я сказала, что не буду пить водку, потому что во мне уже бултыхается пиво, а смешивать я не люблю. А дядя Слава сказал, чтобы я смешивала и не выделялась, потому что Гоша в тюрьме.

Из стакана все-таки пили кофе, так что «Петрович» отдавал дешевым «Максимом».

Мы долго сидели с дядей Славой и слушали, как соседи смывают воду в туалете. Потом я отклеилась от табурета и пошла к себе домой, легла на диван и принялась трезветь. Утром написала знакомым и выяснила, что Гошу забрали за пост на странице в «ВК». Потом на этой же странице нашли сохраненные несколько лет назад картинки с символикой, похожей на шрам Гарри Поттера, помноженный надвое, и срок увеличили до трех лет. Мысленно порадовалась, что давно снесла все социальные сети, и тут же за эту радость почувствовала тошнотворный стыд, который долго еще выходил из меня в туалетные недра вместе с «Петровичем» и картошкой.

Я помню нашу последнюю встречу с Гошей. Он жил тогда в старом полуразрушенном доме вместе с отцом. У отца обнаружили рак, и когда-то огромный, пышущий жаром и беляшом мужчина удивительно быстро превращался в неприметное растение, худосочное и высохшее, как яблоня дяди Славы. Мы с Гошей лежали на продавленном диване и слушали прерывистое, хриплое дыхание умирающего за стенкой человека. Шел сильный дождь, и с потолка капало в тазы и ведра. От дивана пахло затхлыми простынями и кошками. Я спросила у Гоши, почему они больше не берут котов, а он зачем-то меня поцеловал. Больше ничего не было. Мы лежали так до утра и соприкасались локтями, а утром я уехала в аэропорт. Я улетала в Москву, а Гоша оставался, и я в который раз чувствовала себя, как в детстве: словно между нами сетчатый детсадовский забор или муравейник. Гоша сказал, что прилетит позже, когда будет понятно, что с отцом. Я подумала, что это нелепое выражение, потому что всем уже понятно, что с ним. Гоша так и не прилетел.

Когда я уходила, он сказал что-то вроде детсадовского «я тебя ловлю» и пошуршал спортивными штанами, переминаясь с ноги на ногу.

Освободившись от ужина, я вспомнила, что мы с Гошей не только ели противные яблоки дяди Славы, но и зарывали семечки от них везде, где только можно. Пузатый бело-голубой пазик отвез меня к воротам СНТ, и я долго пробиралась через грязь и мусор к старому котловану. Все было почти так, как в детстве, только котлован помутнел сильнее и пах сладковатой гнилью, а неподалеку плодоносила молодая яблоня.

